

ДОЛГИЙ ПАРЛАМЕНТ И ДЕМОКРАТИЯ в 1640—1641 гг.

(К 300-летию английской революции)

I

Долгий парламент сыграл, бесспорно, исключительную роль в английской революции. В течение 13 лет (1640—1653) он был главным организующим центром буржуазии и ее союзника — нового дворянства в их борьбе с феодально-абсолютистским лагерем. В истории борьбы английского народа за демократию Долгий парламент занимает выдающееся место. Его значение как прямого предшественника последующих революционных американских конгрессов и французских национальных собраний отмечал еще Томас Карлейль¹. Восторженный отзыв о Долгом парламенте как создателе конституционного режима нового времени дал Маколей. Поклонник «Славной революции» называл парламент, собравшийся 3 ноября 1640 г., «знаменитым» парламентом, «который несмотря на многие ошибки и неудачи имеет законное право на уважение и благодарность всякого, кто в какой бы то ни было части света наслаждался благами конституционного правления»². «Знаменитое собрание, известное обычно под именем Долгого парламента»³, — так отзывался о нем Гардинер, посвятивший изучению истории английской революции десятки лет своей жизни.

Маркс и Энгельс не раз подчеркивали демократическую основу Долгого парламента. В одной из статей, посвященных критике жалкого франкфуртского парламента 1848 г., Маркс указывал на связь английского Долгого парламента (как и последующего французского Национального собрания) с народными массами столицы: «...французское и английское национальные собрания стояли на огнедышащей почве Парижа и Лондона...»⁴. Энгельс в ранней своей работе «Положение Англии XVIII в.» проводил параллель между Долгим парламентом и тремя представительными собраниями эпохи французской революции. «В Долгом парламенте, — писал он, — легко отличить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент»⁵. К Долгому же парламенту в известной степени должно быть отнесено высказывание Ленина о революционных буржуазных демократах времен английской и французской революций, когда буржуазия, будучи еще революционной, «...сама поставляла ораторов (и не только ораторов) самых пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным воздыханиям, к колебаниям и нерешительности»⁶.

¹ Carlyle Th. «An election to the Long Parliament 1844. Critical and miscellaneous essays». Vol. VII, p. 56, ed. 1888.

² Маколей «История Англии». Соч. Т. VI, стр. 123.

³ Gardiner «History of England». Vol. IX, p. 218.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 123.

⁵ Там же, Т. II, стр. 351.

⁶ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 194; см. также т. XV, стр. 347.

Карл I созвал Долгий парламент в очень трудное для себя время. Он потерпел полное поражение в войне с шотландцами. Его финансы были в крайнем расстройстве¹.

В общественных кругах не только среди буржуазии и джентри и в массе городского и сельского населения, но даже в кругах знати накопилось большое недовольство абсолютистским режимом. На конференции пэров, собранной королем 24 сентября 1640 г. в Йорке, Карл I, по предложению оппозиционной части пэров, был вынужден декларировать, что он решил созвать новый парламент на 3 ноября 1640 года. Избирательная кампания, происходившая в октябре 1640 г., носила бурный характер. Двор, хотя и вынужден был пойти на уступки оппозиции, согласившись на созыв нового парламента, в действительности не думал отказываться от борьбы. В ход были пущены все средства, чтобы провести в парламент наибольшее число королевских сторонников. Мерам и шерифам Йоркшира, Уэллса и Корнуэлла (области, на поддержку которых правительство рассчитывало всего более) посылались специальные письма, заключавшие в себе списки кандидатов, желательных королю². Очень активную роль играла во время выборов королева Генриетта-Мария. Грубое давление на выборы оказывали многие крупные лорды, близко стоявшие к королю.

С другой стороны, на выборах большую активность проявила оппозиция. Лидеры «пуритан» лично объезжали графства во время выборов, агитируя за своих кандидатов. О Пиме, лидере оппозиции, один из мемуаристов, Антон Вуд, писал, что Пим объехал многие местности, чтобы «помочь пройти в парламент братьям из пуритан». Сам он был выбран в парламент от местечка Тэвисток в графстве Девоншир³. Гемпден, выбранный от Бекингемшира, агитировал не только в этом графстве, но и в Лестершире, Норземптоншире и других графствах Средней Англии⁴. Большую активность обнаружил во время выборов Кромвель, прошедший в парламент от города Кембриджа⁵. Очень большое количество выборов (36 случаев) Долгий парламент признал незаконными, предложив произвесты новые выборы. В общем выборы означали поражение короля. Больше половины депутатов нового парламента были ранее членами оппозиционного Короткого парламента. Их было 294 из 493 общего числа членов, собравшихся 3 ноября 1640 года⁶.

Центр, восток и юг Англии — самые развитые в экономическом отношении области — дали явный перевес парламентской партии. Только запад, особенно Уэллс и Корнуэлл, оказались настоящей цитаделью роялизма.

Ввиду отсутствия официальных списков (по партиям) мы не можем точно установить, как распределялись члены Долгого парламента по своей партийности в ноябре 1640 года. Но мы легко и более или менее точно можем установить разделение членов парламента на роялистов («кавалеров») и сторонников парламента для 1642 г., так как все перешедшие на сторону короля были отмечены специальными постановлениями, дошедшими до нас в журналах палаты общин⁷.

¹ «Parliamentary History», ed by Cobbett. Vol. II, col. 590.

² «Calendar of State Papers», p. 166.

³ Kershaw «The elections for the Long Parliament, 1640»; «English Historical Review», 1923. October, p. 501—502; cp. «Parliamentary History», II, col 606.

⁴ Ibidem, col. 502.

⁵ «Parliamentary History», II, col. 601.

⁶ Kershaw. Op. cit., p. 507.

⁷ В «Old Parliamentary History» данные журналов палаты общин были систематизированы (Vol. IX, p. 14), и даже их использовал затем Cobbett в своей «Parliamentary History», Vol. II, p 599—629.

Исходя из этих данных, рисующих окончательное размежевание депутатов к концу изучаемого нами периода, мы получаем весьма интересную и показательную картину.

Прежде всего можно констатировать поразительную непропорциональность представительства для отдельных районов (краев) Англии в ту эпоху. Густо населенные центральные графства, которых было 13, посылали всего 89 человек, в то время как отсталый и редко населенный запад и югозапад посылали 134 депутата. Громадный Лондон с Мидлсексом посылал всего 8 представителей, а отсталый Корнуэлл — 44, Уэллс — 24. Четыре весьма развитых восточных графства были представлены 48 депутатами, но на юге один Уилтшир послал 44 депутата. Такое непропорциональное распределение было очень невыгодно оппозиции и, наоборот, крайне важно для двора. Но самое важное — это отражение в составе Долгого парламента политических настроений населения разных графств Север и запад послали 119 роялистских депутатов из 190 человек, а сторонников парламента — только 71. В процентах это дает свыше 62 за короля и менее 38 за парламента. Наоборот, центральные и восточные графства из 137 депутатов послали 105 сторонников парламента и только 32 роялиста. В процентах это составит почти 77 за парламента и только 23 за короля¹. Полоса южных графств, включавшая наряду с развитыми и довольно отсталые местности, густо наполненная королевскими поместьями и поместьями высшей знати, дала среднюю цифру: из 184 членов парламента, избранных здесь, 114 было из парламентарской партии (почти 62%) и 70 роялистов (38%). В целом же на 511 депутатов (мы учитываем и дополнительные выборы) 290 человек (почти 57%) были за парламента, 221 человек (43%) оказались в лагере короля.

Каков был социальный состав Долгого парламента? В свое время этот вопрос был уже поставлен Савиным, который указывал, что из 500, приблизительно, членов Долгого парламента почти все были дворяне. «Дворянский состав — наиболее замечательная черта палаты»², — замечает Савин. Из этого положения Савин делал неправильный вывод о том, что будто «парламентарская история гражданской войны есть история почти чисто дворянская, джентльменская»³. По мнению Савина, английская революция, особенно в первые годы, была не борьбой классов, а борьбой различных религиозных группировок, разделивших Англию на две враждующих половины: «Ни в личном составе, ни в законодательной деятельности Долгого парламента не видно напряженного состязания классов... в парламентарской истории 1641 и 1642 гг. религиозный и политический вопрос, безусловно, преобладает над социальным»⁴.

Ошибка Савина и других буржуазных исследователей заключается в том, что они не учитывают факта раскола английского дворянства на два, по существу, различных, противоположных по своим интересам класса. Маркс и Энгельс еще в 1850 г. так характеризовали новое дворянство Англии: «Этот связанный с буржуазией класс крупных землевладельцев, — возникший, впрочем, уже при Генрихе VIII, — находился, в отличие от французского феодального землевладения 1789 г., не в противоречии, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии. Дело в том, что земельные владения этого класса составляли не феодальную, а буржуазную собственность»⁵.

Действительно, состав Долгого парламента был дворянским. При

¹ В частности от Лондона с Мидлсексом все 8 депутатов были парламентаристами

² Савин «Лекции по истории английской революции», стр. 178 2-е изд.

³ Там же

⁴ Там же, стр. 192

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. VIII, стр. 279

этом в палате было много весьма родовитых дворян. Из 511 человек около 30 были лорды или сыновья лордов, свыше 200 рыцарей (с титулом «сэр»), из них около 50 баронетов; самой многочисленной группой (около 270) в составе парламента были сквайры и джентльмены. «Настоящей» городской буржуазии было всего 7 (!) человек, из них 2 приходились на Лондон.

Но, будучи слабо отражена в парламенте выходцами из своей собственной среды, буржуазия зато была в избытке представлена дворянами предпринимательского типа. За фамилией с титулом «esquire» или «gentleman», а порой и «knight» при ближайшем рассмотрении очень часто оказывался делец, купец, финансист или помещик капиталистического типа.

Ярким образцом джентльмена нового «буржуазного» типа был сам Кромвель, который усердно занимался хозяйством в своем наследственном поместье близ Гентигдона, а затем арендовал землю в местечке St. Ives, где занимался овцеводством в широком масштабе¹. Сельским хозяйством энергично занимался также Гемпден, один из главных лидеров пуритан в парламенте в этот период, приходившийся также родственником Кромвелю².

Таким образом, новое дворянство было широко представлено в Долгом парламенте, и притом не только в нижней, но и в верхней палатах. Ему-то и выпало на долю защищать интересы всего класса английской буржуазии в целом.

III

Открытие Долгого парламента происходило в обстановке, чрезвычайно благоприятной для оппозиции. Двор был деморализован неудачами в шотландской войне. Парламентские выборы показали популярность лидеров оппозиции в широких кругах населения. В то время как королевская армия разлагалась в результате поражения и финансового кризиса правительства, парламент, наоборот, мог рассчитывать на поддержку шотландской армии, видевшей в нем союзника в своей борьбе с королем. В своей речи при открытии парламента Карл I занял примирительную позицию. Он указывал на тяжелое положение, в частности на финансовую нужду правительства, просил содействия и обещал удовлетворить справедливые жалобы палаты. Он призывал отбросить все взаимные подозрения и выражал надежду, что парламент будет удачным (happy)³. По словам Мэя, выступление короля произвело в общем хорошее впечатление на членов парламента, которые и не ожидали большего от Карла I⁴.

В ответной речи спикера Вильяма Лентолла, произнесенной 5 ноября, обращает на себя внимание льстивый тон, которым проникнута речь председателя палаты общин. Речь спикера была выдержана в ярко монархическом духе. Однако лидеры оппозиции имели уже до созыва парламента определенный план расправы с королевскими «дурными советниками».

Заседания палаты общин 7, 8 и 9 ноября особенно интересны тем, что они подробно выявляют программу парламентской оппозиции 1640 года. Наибольшее значение среди произнесенных речей имеет речь самого Пима, в которой лидер оппозиции формулировал требования, исходя из содержания многочисленных петиций, полученных парламентом с мест к этому времени⁵.

¹ «Dictionary of Nat Biogr». Vol. V. Ip. Abbat «Cromwells writing and speeches». Vol. I, p. 84

² Ibidem. Vol VIII; cp. «Journals of House Common» Vol II, p. 71

³ «Parliamentary History». Vol. II, col 629—630

⁴ Мау «The History of England, 1642» Reprint. 1811, p 47.

⁵ «Parliamentary History». Vol. II, col. 640—643; cp. Whitelocke «Memoirs». Vol I, p. 109—111

Пим разбил все жалобы на три категории: 1) нарушение парламентских привилегий, 2) искажение религии и 3) покушение на свободу подданных. В первом разделе осуждалось поведение короля в отношении предшествующих парламентов, особенно Короткого парламента. Второй раздел содержал жалобы на церковные новшества. Особенно интересен третий раздел, в котором свобода подданных толковалась не только в смысле личного правовом, но и как экономическая свобода. Помимо жалоб на неправильное взимание налогов (корабельные, рыцарские, лесные, военные деньги и незаконный сбор таможенных пошлин) здесь были жалобы на торговлю монополиями, а также на комиссию по депопуляции, незаконно налагавшую штрафы на землевладельцев»¹.

Буржуазный характер выдвинутой Пимом программы совершенно очевиден. Свобода личности, неприкосновенность частной собственности, свобода капиталистической конкуренции составляют основные требования декларации Пима. В его речи отразились и пуританские религиозные мотивы, но характерно, что они не заслоняют практических политических и экономических требований. Пим не против короля в принципе, но он стоит за конституционного короля². Как и другие представители парламентской оппозиции, он исходит из положения, что английская конституция наилучшая в мире. Задачей своей он ставит не уничтожение, не отмену, а укрепление старой конституции, очищение ее от новшеств, внесенных Страффордом и другими «злыми советниками»³.

Требования оппозиции были рассчитаны на удовлетворение исключительно имущих классов. Ни вопрос о расширении избирательного права, ни требование аграрной крестьянской реформы, ни проблема пауперизма не отразились в программе Пима. Характерно, что Пим жалуется не на огораживания, а на штрафы, налагаемые на огораживателей... Даже вопрос об уничтожении епископов и секуляризации их земель Пимом пока еще не ставился.

Неудачи королевского правительства, ставшего орудием придворной камарильи, делали союзниками буржуазной оппозиции на известное время даже некоторые правые дворянские круги, настоящее место которых, как показали дальнейшие события, было все же в королевском лагере. Для дебатов 7—9 ноября 1640 г. характерно то, что выступавшие с критикой правительства будущие «кавалеры» говорили не менее резким языком, чем будущие «круглоголовые». Так например Джон Кольпепер, ставший позднее членом оксфордского парламента Карла I, произнес блестящую речь против монополий: «Монополии, как некогда египетские лягушки, проникли в наши жилища. Нет места, где бы их не было. Они пьют из наших чаш, погружаются в наши блюда, сидят у наших очагов»⁴. Оратор перечислял от имени своего графства (Кент) ряд жалоб, почти дословно повторявших пункты Пима.

Широкая оппозиция, обнаружившаяся в парламенте, пугала королевских министров. При дворе готовы были пожалеть о том, что парламент был создан. Прибывший 9 ноября 1640 г. в Лондон Страффорд посоветовал королю обезглавить оппозицию, арестовав Пима и других лидеров под предлогом их сношений с шотландцами в тот момент, когда шотландцы являются «врагами короля». Оппозиции, однако, удалось раскрыть этот план. Пользуясь тем, что Карл I колебался и не принимал решения, пуританские лидеры сами перешли в наступление. 11 ноября Страффорд был арестован. Пим лично от имени общин обви-

¹ «Parliamentary History». Vol. II, col. 640—643; ср. Whitelocke «Memoirs» Vol I, p 109—111.

² «Parliamentary History». Vol. II, col. 640.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, col. 655—656.

нил Страффорда в государственной измене перед лордами верхней палаты¹.

«Оставление на свободе Страффорда означало бы роспуск парламента»,— мотивировал Пим спешность ареста графа². Арест Лоуда и привлечение к ответственности ряда других высших чиновников в конце 1640 г. (Уинденбанк, Финч и др.) были дальнейшим следствием ареста Страффорда.

Оппозиции пришлось преодолеть немалые трудности в ведении судебного процесса против графа Страффорда. Целых 18 дней продолжался суд над Страффордом в палате лордов (с 22 марта по 10 апреля 1641 г.). Страффорд, будучи опытным юристом, энергично защищал себя против обвинения в государственной измене. На стороне Страффорда были король, двор и значительная часть лордов. В конце концов палата лордов так и не сочла возможным обвинить Страффорда в измене. Тогда палата общин вступила на революционный путь борьбы. 10 апреля Артур Гезльриг, один из будущих видных индипендентских лидеров, внес билль of Attainder, предлагаемая, таким образом, осудить Страффорда в порядке чрезвычайного законодательного акта. Генри Вэну удалось разыскать важный документ, доказывавший намерения графа использовать против оппозиции в Англии ирландскую армию. Это сразу усилило аргументы за осуждение любимца Карла I.

Несмотря на довольно упорное сопротивление страффордианцев во главе с лордом Дигби, билль прошел в палате общин в третьем чтении 21 апреля 1641 г. большинством 204 против 59 голосов. Но он грозил застрять в палате лордов. Число сторонников Страффорда все увеличивалось. 1 мая в палате лордов король категорически заявил, что он не может осудить на смерть Страффорда, хотя и признает, что «тот поступил дурно»³. В этих условиях парламент 3 мая принимает протестацию «о защите протестантской религии, королевской особы, а также власти и привилегий парламента и законных прав и вольностей английских подданных»⁴. В первый же день, 3 мая, протестацию подписали 263 члена нижней палаты, в следующие дни подписи продолжали собираться, и подписалось всего 360 членов палаты общин (коммонеров) и 107 лордов верхней палаты, включая 6 епископов⁵.

Атмосфера внутри вестминстерских стен в первые дни мая 1641 г. была чрезвычайно накаленной. Оппозиция под влиянием опасности сомкнулась теснее вокруг своих лидеров. И все же Долгий парламент, наверное, постигла бы судьба парламента 1629 г., который также издавал протестации, также громил королевских советников и, тем не менее, был разогнан королем. Если Долгий парламент избежал этой участи в мае 1641 г., то главной причиной этого было выступление народных масс Лондона и его предместий. Лишь под их нажимом был окончательно решен вопрос о судьбе Страффорда. Переживая в 1640—1641 гг. тяжелый экономический кризис, лондонские массы не относились равнодушно к политическим событиям. Не имея еще собственной политической организации и не сознавая сколько-нибудь отчетливо своих особых классовых интересов, плебейские элементы ждали от парламента улучшения своего положения и в борьбе парламентской оппозиции с королем видели свое народное дело. Массы Лондона в эпоху английской революции были еще на той стадии развития, когда, по выражению Маркса и Энгельса, они в своей борьбе больше боролись против врагов своих врагов, чем с собственными врагами⁶. Но их роль при этом

¹ «Parliamentary History». Vol. II, col. 733—735.

² Clarendon «History of the Rebellion». Vob. I, p. 226.

³ «Parliamentary History». Vol. II, col. 754—755.

⁴ Ibidem, col. 777.

⁵ Rusworth «Historical Collections». Vol. IV, p. 244—248.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 491.

была далеко не пассивной. Они приносили в конфликт буржуазии с феодализмом методы плебейской расправы¹, они оказывали давление на буржуазию, заставляя ее идти в своей борьбе несколько дальше той цели, которую она намечала².

В деле Страффорда вмешательство масс проявилось особенно ярко. Еще 24 апреля в парламент поступила петиция лондонских горожан, подписанная 20 тыс. человек. Петиция отмечала упадок торговли, разорение промышленности, недостаток денег, общее неустройство королевства; петиционеры указывали на опасность затягивания суда над Страффордом и предупреждали парламент об опасности заговора страффордianцев³. По получении этой петиции было организовано совместное заседание представителей обеих палат, принявшее решение потребовать от короля роспуска ирландской армии, разоружения католиков и удаления их от двора.

Но, относясь благосклонно к умеренным петициям, представляемым «почетными лицами» и советом Сити, палата попадала в крайне затруднительное положение, сталкиваясь с петициями низов населения. В этом отношении особенно интересны две петиции, поданные в парламент: одна — 31 января, другая — 2 февраля. Заглавие первой петиции было «Покорная петиция многих тысяч бедняков Лондона и его окрестностей»⁴. Петиция была составлена в очень резких тонах. Она указывала, что несмотря на многочисленные петиции, представленные палате ранее гражданами Лондона и его окрестностей, а также жителями разных графств, о реформах, положение королевства остается все еще очень тяжелым. Разорение в результате упадка и приостановки торговли дошло до того, что нищета стала невыносимой. У многих из петиционеров нет возможности достать хлеба для прокормления себя и своих семей. Поэтому бедняки и прочие нуждающиеся вынуждены прямо «кричать» о том, чтобы те лица, которые мешают миру и деятельности парламента, были немедленно удалены. В петиции содержалась откровенная угроза, что если палата не сумеет этого сделать сама, они (петиционеры) вынуждены будут «сами прибегнуть к дальнейшему лечебному средству, какое имеется у них в руках, чтобы удалить нарушителей мира».

После того, когда эта «ужасная петиция» была прочитана, замечает Кларендон, «палата, согласно своему вежливому обычаю, приказала объявить петиционерам благодарность за их любезность», что и было сделано спикером, заявившим, что палата рассмотрит их пожелания.

По словам Кларендона, петиционеры ушли очень недовольные неопределенным ответом спикера⁵.

2 февраля в палату общин была представлена новая петиция, портовых рабочих (porters), подписанная 15 тыс. человек⁶. В этой петиции также подчеркивалось бедственное положение королевства; о торговле в петиции говорилось, что она совсем «замерла»; петиционеры считали главной причиной хозяйственного расстройтва гордость вражеской партии внутри Англии и необеспеченность морского судоходства, поэтому они требовали укрепления «пяти портов». Петиция, выражавшая искреннюю ненависть народных масс к контрреволюционерам — малигнантам, — «этой ищущей крови мятежной партии», — требовала применения к ним настоящего революционного террора. Лозунгом петиционеров было: «Нужда не знает закона». Интересен конец петиции, где рабочие заявляли, что им нечего терять, кроме своих жизней, и что они охотно пре-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс Т VII, стр. 54

² Там же, Т XVI Ч. 2-я, стр. 297

³ «Parliamentary History». Vol. II, col 764—765.

⁴ Clarendon Op cit. Vol I, p 549—550

⁵ Ibidem, p 550

⁶ Ibidem, p. 548—549.

доставят себя всякой опасности для защиты палаты общин согласно ее протестациям¹.

3 мая 1641 г. в Лондоне произошло настоящее массовое выступление против абсолютизма. Узнав, что король и лорды не согласны на казнь Страффорда, толпы народа, по одним источникам в 5—6 тыс. человек, по другим — даже в 10 тыс., явились к Вестминстеру, требуя немедленной казни Страффорда и других «великих преступников»².

Вооруженными мечами, дубинами и бочарными досками, народ встречал лордов, приезжавших в карете на заседание, криками «Justice! Justice!» («Правосудие! Правосудие!»). Толпа подходила и к королевскому дворцу, требуя от короля ускорения казни.

Кларендон указывает, что эти демонстрации (с его точки зрения представлявшие «неслыханные акты наглости и мятежа») продолжались несколько дней³. Устрашенные призраком народного восстания, лорды в конце концов должны были уступить 7 мая билль of Attainder прошел через верхнюю палату. Оставалось добиться лишь утверждения его королем. После долгих колебаний в момент, когда толпы народа в несколько тысяч человек стояли перед Уайтхоллом и не переставали требовать головы Страффорда, Карл I, наконец, 10 мая 1641 г. подписал его смертный приговор⁴. 12 мая «черный граф» был казнен при громадном стечении народа

Для буржуазии было крайне выгодно выступление масс в этот критический период. Лидерам оппозиции, по существу, не приходилось даже тогда выбирать. Неудача в деле Страффорда грозила им потерей собратов, так как было ясно, что в случае поражения Пима и его друзей парламент будет распущен и начнется абсолютистский террор. Поэтому становится понятным, почему лидеры оппозиции ни одним словом не протестовали против «народных сходбищ» в это время. Наоборот, петиция 24 апреля была принята палатой с благодарностью. Нельзя не видеть известной уступки народным массам со стороны Долгого парламента, выразившейся в освобождении именно в этот момент Джона Лильберна, вождя левеллеров. Хотя вопрос о нем и других политических заключенных был поднят еще в ноябре 1640 г., но только геперь, 5 мая, парламент постановил освободить его. Лильберн вышел из тюрьмы, восторженно встреченный народом, бросавшим цветы по пути, где он должен был пройти⁵.

Таким образом, массовые выступления в начале мая 1641 г. обнаружили определенную связь парламента с народом. Лидерам Долгого парламента удалось с большой выгодой для своего дела использовать результаты народного выступления. Абсолютизм должен был пойти на существенные уступки. Страффорд был казнен. Придворный офицерский заговор был раскрыт и ликвидирован. Актом 10 мая король признал нераспускаемость Долгого парламента.

IV

Период от казни Страффорда до начала ирландского восстания обычно рассматривается как период известной передышки в развитии революционных событий. Однако на самом деле борьба между двумя враждебными лагерями продолжалась. Долгий парламент и летом 1641 г. продолжал наступление на абсолютизм и добился новых уступок от Карла I. В то же время в этот период начался раскол в рядах самой

¹ Clarendon Op cit Vol I, p 549

² «Parliamentary History» Vol II, col 755—756 Clarendon Op cit Vol I, p 337, Whitelocke «Memorials of the english affairs» Vol. I, p. 130, ed 1853

³ Clarendon Op cit Vol I, p 337

⁴ Ibidem, p 342

⁵ Ibidem, p 344, ср May Op cit, p 71

парламентской партии. Часть членов парламента, ведшая ранее оппозиционную линию, теперь круто повернула в сторону короля.

Из вопросов, поднимавшихся летом 1641 г., особенно важное значение имел вопрос об отмене епископата. Впервые требование отмены епископата «с корнем и ветвями» было выставлено в лондонской петиции, поданной в парламент еще 11 декабря 1640 г. и подписанной 15 тыс. человек¹. Однако уже в конце 1640 и начале 1641 гг. члены парламента, обсуждая эту петицию, разошлись в своих взглядах. Большинство ораторов (Редьярд, Фолкланд, Вегшоу) высказалось против уничтожения епископата, признавая лишь необходимость реформировать епископат, в частности лишить епископов светских, прежде всего судебных прав². Вопрос был отложен на неопределенное время. В конце мая 1641 г. билль о «корнях и ветвях» был внесен в палату депутатов Берингом, но авторами его были трое будущих индипендентов: А. Гезльриг, Г. Вэн и О. Кромвель. Выступая в защиту билля, Генри Вэн подчеркивал главным образом политические мотивы реформы: епископат родственен палству; епископы в качестве членов верхней палаты наиболее способствовали ухудшению «несчастливого положения нашего гражданского строя»; пока они остаются, не может быть прочного гражданского мира³.

Не отрицая всего этого, выступавший после Вэна сторонник «епископалов» (как стали называть правых депутатов, защищавших епископов, а вместе с ними и прерогативы короля) Эдмунд Уоллер (от Корнуэлла) обратил внимание на социальную сторону вопроса. В своей речи он сказал: «Я смотрю на епископат как на своего рода внешний оплот; когда народ овладеет им, перед ним разоблачится тайна... и нам тогда придется переходить к защите нашей собственности. Если путем поднятия рук и представления петиций им удастся добиться равенства в церковных делах, следующим их требованием будет аграрный закон (*lex agraris*), так же как и равенство в делах светских. Мое мнение: епископат нужно реформировать, но не отменять»⁴.

Причину сопротивления реформе со стороны крупных земельных собственников трудно выразить ярче, чем это сделал Уоллер. Страх помещика перед аграрным движением (Уоллер ссылаясь в речи на братьев Гракхов) вполне понятен. Летом 1641 г. аграрные беспорядки были предметом специальных обсуждений в палате лордов. 19 июля 1641 г. лорды издали постановление о борьбе с нарушением прав земельных собственников, с «самочинными» захватами крестьянами общинных угодьев и т. п.⁵. Большое опасение у господствующих классов вызывало распространение крайних сект. Простые люди: ткачи, свечники, торговцы солью и т. п. — проповедовали открыто на разные религиозные темы и вмешивались самовольно в распорядок церковной службы⁶.

Билль об отмене епископата так и не стал законом ни летом, ни осенью 1641 года. На стороне епископов было большинство палаты лордов, и Пим не считал удобным обострять из-за этого отношения с верхней палатой⁷.

Гораздо решительнее позиция Пима была в вопросе ограничения королевского абсолютизма. Летом 1641 г. парламенту удалось добиться от Карла I новых, очень важных уступок. Палате удалось добиться в конце мая наказания для участников офицерского заговора, которому покровительствовал двор⁸. В июне была распущена королевская ар-

¹ «Parliamentary History», Vol. II, col. 673—678.

² Rushworth «Historical Collections», Vol. IV, p. 174—183.

³ «Parliamentary History», Vol. II, col. 823—824.

⁴ Ibidem, col. 826—828.

⁵ См. статью С. И. Архангельского «Вступление в борьбу сельских масс в начале английской революции», «Исторические записки», Кн. 3-я за 1938 год.

⁶ May «The History of England», p. 75—76, ed. 1811.

⁷ «Parliamentary History» Vol. II, col. 794.

⁸ Clarendon. Op. cit. Vol. I, p. 353.

мия¹ В июле отменены Звездная палата и Высокая комиссия, а в августе — лесные законы, монопольное право королевских закупок, корабельные деньги². Фактически летом 1641 г. парламент захватил в свои руки самую исполнительную власть. Парламент получил контроль над государственными финансами, включая проверку расходов на содержание королевского двора. Летом 1641 г. был привлечен к ответственности ряд новых лиц из королевских министров и высших судей³. 24 июня парламент потребовал от Карла I удаления оставшихся «злых советников» и всех католиков, а также назначения на военные должности лиц, которым доверяют палаты⁴.

Карл I пытался порой протестовать, заявляя, что от него требуют слишком много, но тут же уступал⁵. Парламент ревниво относился к поездкам короля и королевы Генриетта-Мария вынуждена была летом 1641 г. отложить задуманную ею поездку на континент⁶. Карлу для поездки в Шотландию пришлось буквально получить на это разрешение парламента, причем особые парламентские комиссары должны были сопровождать Карла в его поездке и следить за ходом его переговоров с шотландским парламентом и шотландской знатью⁷. С отъездом короля 10 августа 1641 г. верховная власть окончательно перешла к парламенту. Когда же парламент 10 сентября распустил себя на каникулы, им был создан особый комитет, которому были предоставлены надзор за всем административным аппаратом, руководство экономической политикой, сношения с Ирландией и Шотландией, права высшего суда. В комитет, председателем которого был назначен Пим, вошли 7 лордов и 48 членов палаты общин. Это было настоящее временное парламентское правительство⁸.

V

20 октября 1641 г. парламент возобновил свою деятельность. Новая сессия началась в напряженной обстановке. Поведение короля в Шотландии внушало большие подозрения. Лидерам парламента было ясно, что Карлу I удалось заручиться поддержкой некоторой части шотландских феодалов. В то же время королева продолжала плести интриги, надеясь получить помощь из Франции и Голландии. Тревожные слухи проникали из Ирландии, которая была накануне восстания. Казалось, что все, что удалось парламенту добиться в предшествующие 10 месяцев борьбы с королем, теперь будет ниспровергнуто. Призрак абсолютистско-папистского режима снова вставал перед лидерами оппозиции. В то же время аграрные беспорядки и волнения демобилизованных солдат внушали серьезные опасения членам парламента.

Все же главное внимание Пима и его друзей в этот период было обращено на борьбу с феодальным лагерем. Оппозиция начала новую сессию актов, которой пыталась разрешить не решенный все еще вопрос о епископах. По акту 23 октября 1641 г. епископат хотя и не был уничтожен, но епископы устранились с 1 ноября 1641 г. от занятий всяких светских должностей, включая участие в палате лордов⁹. По вопросу об исключении епископов Пим 27 октября начал переговоры с палатой лордов, которая не вынесла, однако, определенного решения¹⁰. Другой

¹ «Parliamentary History» Vol II, col 846—851

² Ibidem, col 855—856

³ Rushworth Op cit Vol IV, p 226 318 329

⁴ «Parliamentary History» Vol II, col 846—847

⁵ См., например, заседание 5 июня 1641 г. «Parliamentary History» Vol II, col 855—856

⁶ «Parliamentary History» Vol II, col 848

⁷ Ibidem, col 897, 902—903

⁸ Ibidem, col 910—912

⁹ Ibidem, col 917—918

¹⁰ Ibidem, col 919

мерой парламента была выработка ремонстрации для представления королю по возвращении его из Шотландии. Комитет по составлению петиции и ремонстрации был назначен 28 октября. 1 ноября происходило совместное заседание комитета, членов палаты общин и лордов, на котором зачитывался предварительный текст ремонстрации¹.

Ремонстрация обсуждалась в комитете, а затем в самом парламенте в течение трех недель. Принятая 22 ноября 1641 г. парламентом, она была представлена в декабре 1641 г. королю, который, однако, не дал решительного ответа. Тогда парламент самовольно приказал опечатать ее текст (14 декабря), ашеллируя, таким образом, к самому населению.

Составленная в тревожной обстановке, когда в Ирландии разразилось давно ожидавшееся восстание, великая ремонстрация явилась ярким документом борьбы парламентской оппозиции с абсолютизмом. Она содержит наиболее полную и развернутую программу буржуазных требований, сформулированных в основном Пимом еще осенью 1640 года. Из новых требований в великой ремонстрации особенно отчетливо выступало требование о создании ответственного перед парламентом министерства (пп. 197 и 204). Обращает на себя внимания внешняя форма документа.

В ремонстрации отсутствует обычная условная лесть по адресу короля. Парламент говорил о короле в третьем лице, как о высшем чиновнике. Весь тон ремонстрации был выдержан в духе независимости. Сторонникам абсолютизма он казался «дерзким»². В то же время самая форма ее обращения к народу (а также и напечатание против воли короля) объективно делала ремонстрацию революционным документом, своего рода манифестом, проникавшим не только в среду высших и средних, но и низших классов английского общества.

VI

В конце декабря 1641 г. отношения между двором и парламентом особенно обострились. Карл I, хотя и не добился в Шотландии тех успехов, на которые рассчитывал (часть шотландской знати продолжала оставаться в оппозиции), все же вернулся в Англию, окрыленный надеждами. Призрак шотландского восстания на время исчез. Ирландское восстание Карл I не без основания рассматривал как неопасное для себя, направленное острием против английского парламента. В Лондоне король старался привлечь на свою сторону буржуазию Сити. 1 декабря он присутствовал в Гильдголле на банкете, устроенном в честь его купцами и банкирами Сити. Роялистски настроенный лорд-мэр Лондона был посвящен в рыцари. Однако привлечь полностью Сити на свою сторону королю не удалось. В середине декабря лондонский городской совет издал специальную декларацию, в которой протестовал против утверждения, будто Сити в споре парламента с королем намерен встать на сторону короля и отвернуться от «дела парламента»³.

Зато королю удалось привлечь на свою сторону некоторых бывших если не лидеров, то союзников парламентской оппозиции. Джон Кольпепер, лорд Фольклэнд и Эдуард Гайд (будущий лорд Кларендон), возглавлявшие в парламенте с лета 1641 г. группу «епископалов», в конце декабря согласились занять высшие должности (Кольпепер и Фольклэнд), частью стали неофициальными, но близкими королевскими советниками (Гайд)⁴.

Теперь Карл уже решительно отказывался от утверждения ремон-

¹ «Parliamentary History». Vol. II, col. 922, 925

² May «History of England», p. 105—106, ср. Clarendon Op. cit. Vol. I, 424.

³ May. Op. cit., p. 90.

⁴ Gardiner «History of English» Vol X, p. 150.

страции. При дворе снова (как весной) зрел заговор против парламента. Парламентская оппозиция решила принять меры к самовооружению. Кларендон в своих мемуарах рассказывает, что палата неофициально объявила своим членам, чтобы они приводили с собой своих вооруженных слуг, которые поджидали бы их у дверей парламента¹. Через своих агентов Пим и его друзья дали знать об опасности, угрожающей парламенту, всему Лондону. Народные демонстрации, использованные парламентской оппозицией весной 1641 г., теперь для Пима были особенно необходимы.

Начиная с 26 декабря в течение нескольких дней на площади перед Вестминстером не расходились громадные толпы народа. Крики «Долой епископов! Долой папистских лордов!» сочетались с насильственными действиями. 27 декабря толпа не допустила епископов на заседание палаты лордов. В этот же день на площади произошли стычки толпы с королевскими офицерами, называвшими престонародье презрительной кличкой «круглоголовые собаки»². Лорды протестовали против сборищ, «нарушавших свободу законодателей». Палата лордов специально обратилась к палате общин с предложением потребовать от короля военной силы, чтобы разогнать толпу. Но Пим и его друзья отказались стать на этот путь. По словам Кларендона, Пим на это ответил: «Боже сохрани, чтобы палата общин пошла по этому пути. Это значило бы обескуражить народ и лишить его надежды получить то, что он желает получить этим способом»³. Другие члены палаты также заявляли, что они не хотят ссориться со «своими друзьями в Лондоне»⁴.

3 января 1642 г. Карл распорядился арестовать пятерых членов палаты общин — наиболее видных лидеров оппозиции: Пима, Гемпдена, Гезльрига, Голлиса и Строуда. Акт короля поражал прежде всего своим вероломством. Еще утром 3 января Карл заверял парламент в том, что он (король) обещает полную безопасность его членов. А вечером этого же дня, по королевскому приказанию, были составлены пункты обвинения против названных депутатов. Интересно отметить, что семь пунктов обвинения, составленного против парламентских лидеров, весьма напоминали обвинения, выставленные в свое время Пимом и его друзьями против Страффорда. Формулировка обвинения ярко передает политическую фразеологию эпохи, когда сам абсолютизм вынужден был рядиться в тогу конституционализма. Наряду с нелепыми утверждениями о том, что лидеры оппозиции намеревались «уничтожить права парламента» или что они возбуждали иностранные государства к интервенции в Англию, в обвинениях отразились и действительные факты. Двор ставил в вину лидерам организацию мятежей.

Однако Карл I не смог арестовать лидеров оппозиции, хотя 5 января он лично явился в палату с целью захватить их. Против приказа короля поднялись обе палаты. Лидеры оппозиции нашли поддержку в среде лондонского Сити. Лондонская крупная буржуазия несмотря на заигрывание с нею Карла I все же упорно держалась стороны парламента, с которым ее связывали и программа оппозиции, и состав членов, и финансовые связи. Несколько крупных займов к этому времени было уже заключено парламентом в Сити.

Одновременно происходило новое выступление масс на стороне парламента. Все мемуаристы английской революции единогласно подчеркивают, что 4—5 января Лондон был в крайнем смятении. Вооруженные толпы народа заполняли площади и улицы. В частности, когда 5 января Карл I приехал в Сити, его встретили около двух тысяч вооруженных горожан, которые вместе с громадными толпами, явившимися

¹ Clarendon. Op. cit. Vol. I, p. 451—452

² Rushworth. Op. cit. Vol. IV, p. 464; Clarendon. Op. cit. Vol. I, p. 456

³ Clarendon. Op. cit. Vol. I, p. 452

⁴ Ibidem, p. 452.

из предместьев Лондона, составили внушительную демонстрацию. Король был встречен криками: «Парламентская привилегия!» На поддержку Гемпдена явились его земляки — вооруженные фригольдеры из Бекингемшира¹.

Революционная обстановка, сложившаяся в Лондоне в начале января, парализовала действия роялистов. Король не только не мог в этих условиях покончить с парламентской оппозицией, но не чувствовал себя безопасным даже в самом Лондоне. 10 января 1642 г. Карл I уехал из Лондона сначала в Гемптон-Корт, где пробыл до середины февраля, а оттуда — на север, в Йорк, надеясь найти себе поддержку у северного дворянства.

Из столкновения с двором 3—5 января 1642 г. парламент вышел победителем. Вслед за королем на север потянулись придворные «кавалеры», а потом и приверженцы палат, окончательно отмежевавшиеся теперь от «мятежной» оппозиции. Таким образом, Англия раскололась на два враждебных лагеря, вооруженное столкновение между которыми не заставило себя долго ждать.

¹ Forster J. «Arrest of the five members by Charles I», p. 338—339, ed. 1860; ср. «Parliamentary History». Vol. II, col. 1029—1030.